

Дмитрий ЗАРУБИН

Дмитрий Зарубин родился в 1962 году в селе Питерка Саратовской обл., окончил Воронежский университет. Впервые выступил как прозаик в № 5-6 «Волги» за 1998 год («Деревенская любовь»). Публиковался в журналах «Новая Юность», «Сибирские огни». Автор книг «Оле-оле-оле...», «Партизаны Оскольского края. Архивы ФСБ свидетельствуют...», «Лицом к лицу», «Июль 1942. Старый Оскол». Работает в городской газете. Живёт в г. Старый Оскол Белгородской области.

МАСТЕР КЛЮЧЕЙ И ПРЕКРАСНАЯ КРАНОВЩИЦА

Рассказ

1.

Если идти пешком, то детский парк не был виден.

Ни с регулярных пешеходных дорожек, проложенных туземными властями, ни с самодельных, там, где удобнее и короче, поближе к автомобильным трассам и торговым точкам. Тем более оставался он скрытым от взора целеустремленных водителей и озабоченных пассажиров, поскольку скорость стирала детали и особенности пересекаемой местности.

Парк застенчиво жался за новеньким, сияющим огромными стеклянными витринами торгово-развлекательным центром, каменной волной перекрывшим горизонт и отчасти светило. Отблескивающие солнцем и разноцветной рекламой пространные, затемненные специальной пленкой плоскости отпугивали взгляды прохожих, сужали глаза и укорачивали мысли.

Так было днем, даже в субботу и воскресенье.

А ночью этот кусок земли, густо засаженный лиственными деревьями и лохматыми кустарниками, обнесенный железной оградой с высокими и острыми пиками, исчезал совсем, поскольку ничто оригинально-указательное не обозначало его присутствие в теле города. И торгово-развлекательные работники, взобравшиеся на крышу ТРЦ покурить, выпить пивка и поселиться в социальных сетях, оглянувшись за сияющие вывески, видели лишь пропадающее в перспективе темно-серое пространство, из которого торчали отдельные древесные стволы, голые и лохматые кроны и проглядывали части неведомых механизмов, чье предназначение не могло так просто и сразу быть понятым.

Парк, или сквер, как на столичный манер называли его некоторые культурные молодые мамочки, открывался внезапно лишь посвященному, знающему от родителей (а те знали от своих), что именно здесь безопасный и уютный уголок для тихого и приятного времяпрепровождения с детьми. Сюда ни приезжали, ни приходили посторонние. В эту сторону можно было проникнуть только гуляя, празднично шатаясь, не ограничивая себя ни временем, ни насущными делами. И лучше всего в сопровождении ребенка, пусть даже и казалось, что старшие главнее.

Лет сорок, а может и поболее, назад вместо торгового центра чернел и курился по утрам и вечерам глубокий овраг, дно которого с незапамятных времен мало-помалу застилали слои человеческого мусора, постепенно поднимавшиеся до полного заполнения почвенной емкости. Рядышком синело васильками бело-желтое пшеничное поле, приткнувшееся к небольшой роще.

Быстро строившиеся многоэтажные жилые дома задавили пшеницу и дикие цветы, а перелесок на коммунистических субботниках обрезали и проредили, набросали плитку вместо тротуаров и приладили тут и сям устройства для общественного развлечения.

Поначалу сквер «Комсомольский» – такое имя краснело стальными покрашенными буквами у входа – считался заманчивой площадкой для проведения правильного досуга, тем более что рядом встали пивные и мороженые павильончики. Но с развитием товарно-денежных отношений и расширением города его престиж резко упал, а пиво и шашлыки переселились в другие авторитетные точки спроса и дохода.

Парк же по-домашнему съезжился, прикрылся серыми ободранными стенами пяти- и девятиэтажек, огородился решетчатым занавесом, скинул с помощью безработных алкоголиков в металлолом метровые проржавевшие буквы, уже ничего не обозначающие, и затаился в памяти бывших молодых мам и пап, передававших знание о нем следующему поколению изустно.

С течением лет и зим в его пределы постепенно свозили малые архитектурные формы, выходявшие из моды: проволочных жирафов, железобетонных облезлых медведей, стоящих на задних лапах, крокодилов с ощерившейся пастью, двуногих зебр и безрогих оленей, чудовищных кроликов и распластавшихся собак, из туловищ которых торчали занозистые широкие доски для качания. Еще имелись разных размеров машинки, на чьих каменных сиденьях простуживалась не одна маленькая попа, наклоненные банки и пустые бочки, радостные гномы-калеки и приземистые карапузы, упустившие навсегда воздушные шары.

Каждый день над сквером звучала музыка восьмидесятых всякий раз нового века, и уставшие от жизни служительницы продавали голубенькие и розовые билетки на механические аттракционы, отделенные от растительности и праздной публики бетонированной площадкой и балюстрадой. Но основной наплыв посетителей, конечно, был в выходные и особенно в солнечные дни, позволявшие опытным мороженщицам и продавщицам мелких и забавных игрушек находить сюда дорогу со своими расписными тележками интуитивно, повинувшись верхнему чутью и следуя за волнами нижней чакры. Добравшиеся оставались довольными выручкой и приподнятым настроением, охватывающим каждого индивидуума женского пола при виде значительного количества детей.

2.

Мастерская по ремонту ключей расположилась на первом этаже ТРЦ, в череде таких же небольших павильончиков с предложениями разнообразных мелких услуг и товаров. Единственно отличие – она была крайней, на этом при вселении категорически настоял Роман, вследствие чего одна из стен получилась стеклянной и вид из нее открывался на металлические полукруглые ворота, неизменно полуоткрытые, ведущие в детский парк. А еще всегда проглядывал краешек неба, летом – заходящее солнце, зимой – бледная луна, осенью и весной дождь, оставляющий долгие подтеки и многозначительный муар на пыльной поверхности.

Напротив мастерской на втором этаже серебряным по черному сияла вывеска Angel glamur, окруженная пластиковыми обложками журнала Vogue за разные века, годы и месяцы. И всплески рук, хаотичное мелькание ног – все остальное было скрыто за витриной – воспринимались как последние движения перед метаморфозой в нечто восхитительное, хотя только завершающая мысль давала надежду на счастье. Ежедневно возобновляемый процесс трансформаций в «Блестящем ангеле» утомлял ужасно, и Роман старался не смотреть в ту сторону, хотя было и нескончаемо трудно, особенно когда маялся в отсутствии заказов. Он утешал себя мыслью, что рай – все-таки временное место пребывания, и вышедшие из-за серебра и очарования, может быть, достигнут правильного понимания и встанут на благородный путь... «Чего? – думал ремесленник. – Ведущего куда?»

Однажды в Angel glamur постучался мужчина, державший за руку высокую девушку, одетую в синий линялый джинсовый комбинезон, узкими штанинами

заправленный в высокие желтые кроссовки с незавязанными длинными шнурками. Им не отворили, последовал лишь плавный взмах ладони, как узкого крыла, указывающий в противоположном направлении. Они неуверенно потоптались, девушка, чье лицо скрывалось за распушенной рыжей челкой, пару раз возмущенно дернула за широкий поручень, но дверь не открылась. Парочка ушла, оживленно жестикулируя, а Романа отвлек верный клиент, попросивший в который раз сделать запасной ключ для «мерседеса».

Мастер отвернулся к стеллажам, на которых висели автомобильные заготовки – плоские, белые, без вкуса и запаха, с черными одинаковыми пластмассовыми кольцами. Они покачивались под напряжением принудительно циркулирующего воздуха, издавая едва слышный только профессиональному слуху мелкий переплеск.

Только ради нарушения повседневной скуки он спросил, обращаясь к матовому защитному стеклу, прикрывающему резец станка:

– Николай Петрович, я вам уже который по счету ключ делаю?

В помутневшем плексиглазе отразилась массивная фигура в черном, с широким офицерским ремнем, придерживающим готовые скатиться на пол широченные штанины.

– Эхе-ге, – невразумительно протрубили сзади, – служба у меня такая, и опасная и трудная, поэтому тороплюсь, теряю, а работать надо, и вот – прихожу.

Бульканье и фанфары продолжились, наконец трансформировавшись во встречный вопрос:

– А чё ты беспокоишься, тебе ж лишняя копейка, типа.

Роман усмехнулся, продолжая крутить маховичок, зажимая узкую беленькую рыбку в тиски. Начальник охраны ТРЦ не заплатил ни за один ключ, сделанный ему мастером, каждый раз приговаривая при получении готового изделия: «Ты мне должен доплачивать, что я к тебе прихожу! Я ж у тебя почти бутербродом служу». И пояснял на всякий случай: «Типа, бесплатная реклама. Делаешь для меня – делаешь для страны, безопасность абы к кому не пойдет. Не – только к проверенному кадру люди потянутся, к антиобщественному элементу ни-ни».

Бородка плескалась в зажимах, как маленький серебряный малек, умный немецкий механизм прорезал нужные плоскости и выемки, пахло маслом и костром.

– Николай Петрович, – Роман решил получить с паршивой овцы хоть шерсти клок, – а разрешите мне ночью поработать.

Соврал, чуть поморщившись от неумения:

– Заказов много, я тут посижу, разгребусь.

– Ге-хе-хм, – проскрежетало за спиной, – не положено. В уставе нет такого, чтоб посторонние ночью в ТРЦ засиживались.

– Так какой я сторонний, – обиженно передернул плечами мастер, которому очень давно хотелось пройти по пустынному торгово-развлекательному центру в темноте, – вы же мне доверие оказываете.

– Какое? – недоуменно поинтересовался начальник охраны.

– Как? – в свою очередь удивился Роман, останавливая станок.

Он вытащил готовый ключ из тисков, посмотрел сквозь бородку на лампочку – свет причудливо преломился, как в прорезях замковых стен, сильно дунул, улыбнулся, увидев, как заплясали в искусственном свете алюминиевые пылинки.

Обернулся и сказал:

– Я же вам ключи от личной машины делаю, гарантирую вам отчетливость дорожного движения, сохраняю для Родины и семьи.

– Эхе-хм, гру, – проскрипело в начальственном животе, прикрытом специфической черной одеждой, расплзающейся от выпуклости организма. Все остальное не просматривалось в узкое окошко мастерской.

– С другой стороны, конечно, – раздумчиво пробормотал вслух мужчина, – можно попробовать, но на каких-либо взаимовыгодных условиях.

– Да куда уж рентабельнее, – улыбнулся мастер и поторопился прибавить: – Хотите, я заодно поохраю, патрулем пройду. Все равно ж никто не полезет, пока знают, что вы тут начальником безопасности.

– Форму оденешь? – неуверенно уточнил неизбежный клиент.

– Да без проблем, – легко согласился Роман, предвкушая занимательное приключение.

– Ну, давай, подходи в каптерку, – вдруг радостно предложил Николай Петрович, – забирай обмундирование, фонарик и дубинку. Сегодняшняя ночь твоя.

– А что это вы так, – смутился мастер, не ожидавший, что квест начнется уже сегодня, – как-то...

Начальник охраны не дал ему договорить.

– Понимаешь, – проникновенно пробурчал он, пошевелившись и булькнув животом, – у нас сегодня корпоратив, день рождения службы, а кто-то на посту будет – несправедливо. А так – мы тебя через договор подрядим на сутки.

– Только это, – не преминул уточнить, – без оплаты, не думай, бабок у нас лишних нет. Бутылку могли бы привезти, но ты ж не употребляешь.

– Да, – согласился Роман, – то есть нет, не пью. Я и бесплатно подежурю, так сказать, приятное с полезным.

– Ты только не засиживайся со своими ключами, – построжал административный голос, – а не менее одного прохода в час, иначе непорядок отметится в камерах.

– Как прикажете, товарищ енерал, – ехидно отрапортовал мастер, – что воля, что неволя...

– Ты не шути, у нас строго, – ответил начальник, протянул в окошко руку, – ну, давай ключики, и за мной, в каптерку на инструктаж и получение обмундирования, шагом арш!

3.

Получив необходимый охранный инвентарь, Роман решил перед заступлением в караул съездить проведать мать, поскольку не появлялся у нее давненько, и надо убедиться, что относительно все в порядке. Тем более, что сегодняшний день был свободным от посещения ее социальным работником.

Как всегда, перед походом к родственникам мелкие неприятности проявились немедленно. На выходе из ТРЦ его ударила по голени сумкой с какой-то железкой торопящаяся девочка с большими белыми бантами. Наверное, банка кошачьих консервов, поморщившись, подумал мастер, едва сдержавшись, чтобы немедленно не погладить ушибленное место.

Заходя в маршрутку, наступил на ступеньке на жвачку, которая с каждым шагом слипалась в плотный комок на плоской подошве ботинок, отчетливо чувствующийся стопой и вызывавший неумное раздражение.

Автобус остановил на полпути гибэдэдэшник, потребовавший у водителя все имеющиеся документы, и после недолгого взглядывания в них приказал пассажирам освободить салон. До следующей остановки пришлось идти пешком, стараясь отчистить резинку с подошвы об асфальт, а потом долго ждать маршрутку с правильным номером.

Перед подъездом девятиэтажки стояла машина, водитель которой упорно гонял на холостых двигатель, добывая из выхлопной трубы клубы сизого и вонючего дыма, поднимающегося занавесом над распахнутой железной дверью.

Скривившись от подавленного желания сказать нецензурную дерзость, Роман зашел в ободранный коридор, поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру. Конечно, мать не подошла, и только полоса неурядиц сбила с толку мастера, и так знавшего, что она и не собиралась открывать, поскольку уже давно перестала реагировать на подобные мелочи.

Он отомкнул дверь личным ключом, сделанным своими руками, зашел в темную прихожую и разулся. В большой гостиной играла искусственная музыка и доносились потусторонние голоса. Заглянув, Роман убедился, что мать на боевом посту – у цветного телевизора, на старом диване, обложенная разноцветными древними подушками, жива и почти здорова. Если, конечно, не считать амнезию и полное отсутствие интереса к реальности.

Роман прошел и встал перед экраном, приветственно помахал ладонью. Она слабо улыбнулась и тоже поразмахивала руками, показывая, чтобы он отошел и не мешал смотреть. Вдохнув и отступив, мастер огляделся. Было убрано, пол чистый.

Мужчина пошел дальше, открывая двери и заглядывая в комнаты, проверяя действие оплачиваемой благотворительности. Санузел поблескивал скромной опрятностью и отсутствием неприятных запахов. Кухня радовала отсутствием огня в конфорках газовой плиты и не повернутыми на «открыто» вентилями. На столе стояли сок, вода, в холодильнике слегка прокисшее молоко и подгнившие бананы, магазинные готовые блинчики с мясом.

В холодной неуютной спальне инородным предметом торчала священная, как когда-то ее называла мать, пузатая тумбочка, украшенная по бокам фигурными наличниками, в которой лежали: отцовский, без отдельных листов коран; материнский, прожженный посередине устав коммунистической партии советского союза; дедушкин, пахнущий плесенью китель (на латунных пуговицах с перекрещенным молотком и разводным французским ключом); закапанная воском бабушкина библия. Между листами всей мистической экзотики и под железнодорожной формой прятались мутные фотокопии его детского увлечения из любимой «Кэмп – традиции воинских искусств». Приезжая изредка в гости, Роман обязательно заворачивал сюда, чтобы проверить, на месте ли тумба и не изменилось ли что-нибудь с течением времени в ее содержимом.

Все оставалось неизменным, хотя годы куда-то шли и мать дряхлая. Сначала она, догадавшись, зачем он заходит туда, сердилась на сына, а затем запомнила и причину его приездов, и основание заглядывания Романа в спальню. Следом пропала и общая картина: к чему вообще старая мебель была установлена в укромном углу квартиры, укрыта пожелтевшими от длительного неиспользования вафельными полотенцами с вышитыми маками, и что за вещи лежат и пылятся в ней. Она даже забыла следствие первоначального действия – чувств, которые возникли после обустройства в неизвестно каком веке этого непонятного промежутка в спальне. Порой, поскольку спала тоже перед телевизором, заходила, забывшись, самостоятельно в спальню, с удивлением смотрела по сторонам, немедленно разворачивалась восвояси и не хотела помнить, что имелось в том направлении.

За таким поведением Роман подозревал большой смысл – мы абсолютно не контролируем даже свою жизнь. Не научились еще, оставаясь рабами ощущений и порывов, сохраняя единственный шанс обрести согласие с пространством в том, чтобы следовать порядку, материализованному в словах и предметах.

Поэтому, когда ему позвонил незнакомый мужчина и сказал, что сделанный им ключ не подходит к замку, Роман обрадовался поводу немедленно уйти из квартиры и предложил выехать к заказчику и на месте определиться, в чем проблема.

– Я в Янгоне, – немного помолчав, заметил незнакомец.

Мастер улыбнулся в пустоту:

– Я всегда выезжаю к клиенту, если возникают какие-то трудности с моими ключами.

– Это далеко.

– Ничего. Я в детстве прочитал книгу о восточных воинских искусствах и очень давно хочу побывать в буддистском монастыре, а Мьянма ведь одна из стран, где распространен буддизм?

– Да. Но вы уверены, что поступаете правильно? Может быть, я привезу замок в мастерскую, как только объявлюсь в государстве регистрации?

– Нет-нет, я обязательно приеду к вам. Тем более, что появился повод.

– Но я не смогу оплатить вам проезд, – голос незнакомца напрягся, – только за работу.

– Что вы? – заторопился Роман. – Ведь уже заплачено, когда я делал этот ключ. Он не подошел к замку – значит, виноват я. И потом, как вы полагаете, почему, интересно, почти все люди уверены, что все решают их деньги?

– Не знаю, – нерешительно ответил незнакомец, – никогда не задумывался над этим.

И поспешил пояснить:

– Ключ вы сработали по образцу, который вам принес студент геологоразведочного техникума. Из Лаоса, помните?

Мастер утомленно скривился, он устал от пребывания в квартире матери, его раздражала обстановка и сама женщина, которую он обидчиво взаимно не узнавал, совершенно не похожая на красивое создание из его детства.

– Это такой бронзовый, – задумчиво проговорил он, – массивный, похожий на кочергу с тремя выступами на загнутом конце, как у большой и широкой вилки.

– Да, да, – обрадовались на другом конце света, – все зубцы змеистые, чтобы трудно было подделать.

– А вы не еврей? – неожиданно спросил Роман. – Потому что противоестественно как-то, русские в Мьянме. Мама всегда твердила, что все беды от евреев.

В трубке закашлялись.

– Ну, – неуверенно начал собеседник, – по паспорту я гражданин России. Говорю по-русски, но не уточнял у родителей, кто я по национальности. А почему вдруг такой вопрос?

– Да неожиданно все это, – смутился Роман, – звонок из страны, в которую я давно хочу поехать. Может статься, вы еще будете утверждать, что буддистский монах?

– Вы меня беспокоите, – голос незнакомца начал стекленеть, – что не так с вами? Я, вероятно, ошибся, позвонив. Но вы сами дали парню номер телефона и сказали, чтобы он обращался, если ключ не подойдет к замку, поскольку вы впервые делаете такой необычный, к тому же без заводской заготовки, а самостоятельно.

– А откуда вы знаете этого лаосца? – внезапно вспомнил мастер. – Вы тоже из нашего города?

– Он настоятель нашего монастыря, – тон смягчился и потеплел, – и да – я монах.

Роман замолчал, потрясенный превратностями мироздания.

– А вы кто по национальности? – неожиданно спросил собеседник.

– Мама русская, а отец башкир, – механически правдиво ответил мастер.

В трубке засопели, а потом монах оскорбительно хмыкнул и радостно протянул:

– Нууу, вооот...

Мастер ключей явную насмешку стерпел: как никак, надо быть вежливым с клиентом, если хочешь получить хорошие деньги за интересную работу.

Они договорились, что заказчик встретит Романа в аэропорту Янгона, и мужчина с удовольствием распрощался с матерью, встав перед экраном и помахав ладонью. Получив в ответ размахивание руками, будто бы подбитый голубь пытался скрыться бегством от кошки, он заторопился в мастерскую, к компьютеру, чтобы забронировать билеты, подать в посольство запрос на визу и подготовить походный чемоданчик с инструментами.

4.

Роман вышел из автобуса за остановку перед торгово-развлекательным центром. Ему хотелось прогуляться перед долгой ночью в помещении, когда нельзя спать и только

шаги раздвигают глубокую тишину в огромных полутемных лоснящихся коридорах, а в ослепших витринах разноцветные манекены будут настойчиво заглядывать в глаза.

Накрапывал дождик – скорее летний, чем осенний, перед выходными на улицах исчезли прохожие, а на дороге автомобили, скрывшиеся где-то за городом. Он посмотрел вверх, капли видимо стекали с неба и напоминали снежинки, каждую можно было поймать на ладонь и успеть рассмотреть и отразиться в округлостях, пока вода не расплывалась по маслянистой и неровной коже.

На торце облезлой многоэтажки, на самой верхотуре, в панели девятого этажа виднелась дверь. Аккуратный прямоугольник без ручки, создававший впечатление, что кто-то освободился, закрыл за собой и на радостях сломал запорную конструкцию, чтобы больше никто никогда не смог выбраться или вернуться.

Мастер остановился, отчетливо ощущая, что внешний мир, несомненно, наличествует, несмотря на забавные истории, придуманные живущими в нем. И он, как один из зрителей, тоже имеет большой шанс создать захватывающую быль об исчезнувшем крылатом чуваке, но скучно, и не хочется множить сущности.

Роман дошел до небольшого пригорка, с которого открывался прекрасный вид на торгово-развлекательный центр, построенный в виде опадающей волны, высотой в четыре этажа на гребне, с лифтом в середине, соединяющий функции товарной лавки, кабака и общежития. На заднем дворе находилась смотровая башня, сооруженная так, чтобы машины, подъезжавшие непрерывно к раскрытым разгрузочным проемам, и рабочие, сновавшие между потоками грузов, всегда находились под наблюдением ее мощных видеокамер и звукозаписывающих устройств. И даже сейчас, и здесь, снаружи, мастер ощущал себя маленькой шестеренкой, помогающей функционировать этому сложному механизму удовлетворения разнообразных нужд и вожделений.

Из-за утекших облаков показался круглый рыхлый спутник, болезненно застывший в зените. В огромном здании потухли огни, только на фасаде продолжала бесноваться светодиодная реклама, зазывая потусторонних неспящих покупателей.

Зайдя в ТРЦ, он сразу направился в комнату охраны. Переоделся, попробовал несколько приемов с резиновым «аргументом» и стальными «нежностями», показанных тут же более опытными товарищами. Прослушал краткий инструктаж: не пить, не курить, не приставать к манекенам и не спать на лестнице эскалатора – и проводил предвкушающую долгую пьянку гурьбу вновь обретенных сослуживцев до заднего неприметного выхода.

Один из них, выглядевший старым вообще для всякой работы, перешагивая порог, запнулся и оборотился.

– Ты не пугайся, – пожимая плечами и шмыгая волосатыми ноздрями, пробурчал он, – если вдруг что или кого непонятного увидишь. Это все по плану.

Удивленный мастер придержал дверь, формулируя правильный вопрос, но охранник уже отвернулся и ушел в подсвеченную смотровой башней дворовую темноту.

5.

Прохождение маршрута он начал с первого этажа, с главного входа, точнехонько встав на желтый прямоугольник с надписью «Начало обхода», аккуратно под первой камерой ночного видеонаблюдения. Так ему посоветовали. Посмотрел на часы, зафиксировав для предполагаемого протокола осмотра места происшествия время, и шагнул в застывшее, умолкнувшее и оттого ставшее грубо незнакомым пространство.

Ему по пути встретились...

Освещенные витрины магазинчиков белья и одежды, из которых выглядывали:

белый голый унисекс-манекен с одной поднятой рукой как будто бы для хлопка («Каков звук у хлопка одной ладонью?» – подумал Роман);

желтые манекены подростков по пояс, остальная часть туловища отсутствовала («Если у меня есть тело, значит, мне его дали», – улыбнулся сторож на одну ночь);

черные фигуры, одетые только в вязаные шапочки и шарфы с белыми оленями (Мастеру хотелось потыкать в них пальцем, чтобы ощутить подлинную реальность своего существования);

одноногая пластмассовая женщина, держащая в красных руках пару розовых лабутенов («Любопытная загадка», – покачал головой мастер, достал из кармана смартфон и сфотографировал на память и для дальнейших размышлений);

мужчина в ковбойских сапогах, джинсах и с ровненькой заводской огромной дырой в животе («Он сказал или да, или нет, явно что-то определенное, поэтому с ним и поступили таким образом», – решил Роман).

Искусственный фонтан в резиновом малиновом бассейне, с бортов которого пискали струйками пахнущей хлоркой воды морские коньки и кокетливые русалки.

Магазин часов, обнесенный стеклянными перегородками, обнажавшими прозрачные стеллажи с пропорционально-симметрично разложенными кругляшками фиксаторов человеческого времени, обрамленными металлическими, пластмассовыми ободками, сквозь которые проступали стружья.

Он прижал лицо к ледяному бесцветному веществу, увеличившему мощной лупой внутренности пространства. От вспучившегося в мозгу тоненького визга у Романа заложило уши, но мастер завороченно вглядывался внутрь. Тонкие, толстые, флюоресцирующие, капельками и фигурками принцесс и солдатиков стрелки вращались. В разные стороны. Одни назад, другие вперед, некоторые в унисон – словно взмахивая руками, многие – попеременно, отдельные экземпляры демонстрировали разноразной: минутные двигались влево, секундные вправо.

Мужчина увидел собственное изображение в громадных напольных курантах: голова с волосами, стоящими дыбом от безымянного ужаса, лицо с полуоткрытым ртом и синими губами проявлялись и пропадали отдельными частями в циферблате, подвергаясь ударам массивных плоскостей, а туловище в серой униформе отсеченно-прерывисто обнаруживалось в качающемся в ритме рок-эн-ролла внушительном маятнике. Отражался там и еще кто-то, в сверкающем длинном платье, с короной, быстро удаляющийся в середину заостренного диска.

В общем-то, мастер не верил происходящему, поэтому постарался успокоиться, сделав несколько упражнений из полузабытых дыхательных практик кунг-фу, и заставил себя отлипнуть от запотевшего и ставшего туманным прошлого-настоящего-будущего-вечности, наверное. И, резко повернувшись, разочарованный, не оглядываясь, удалился.

Далее случились потемневше-бронзовые бородатые пираты посередине кофейни, провонявшие жареными зёрнами из Латинской Америки и местными кисломолочными продуктами. Сморщенные зонтики и перевернутые стулья на влажных столиках.

Православные иконы в серебряных и золотых окладах, бордовые бархатные подушечки с многочисленными разноразмерными крестиками из драгоценных металлов, выглядывавшие из-под табличек «Оборудовано сигнализацией ФГУП «Охрана»».

Пряничные коричневые и белосахарные человечки и овечки, с шоколадными выпуклыми глазами и мармеладными пуговицами на животах и спинах, радостно ждущие заклятия посередине скучно-оживленных коридоров.

Серые, синие, белые футболки с разноцветными надписями: «Ну?», «Доколе!», «Потому что вот!», «Откель?» «666», «999», «69», «777», «13», «96», «А...», «Ф?», «О!», «Упс».

Туалет, закрытый на уборку. Туалет, функционирующий с 10.00 до 20.00 с перерывом на обед с 13.00 до 14.00. Туалет, действующий только до полного окончания движения лифта. Служебный туалет с черно-оранжевой угрожающей надписью крупными заглавными буквами «ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА!».

На четвертом этаже, в аппендиксе перед эвакуационным выходом на крышу, в диодный круг его боевого фонарика попала скрюченная женская фигура у стены, с волосами, пышно разбросанными по плечам, лицом уткнувшаяся в колени. Роман замер, не дыша, и даже успел вспотеть под мышками, прежде чем...

– Расслабься, – глухо прозвучало снизу, – я не привидение.

Мастер шумно выдохнул и надрывно закашлялся от попадания слюны не в то горло.

– Постучать? – спросили от пола.

– Спасибо, нет, – вежливо, как привык отвечать клиентам, сказал мужчина.

– Выключи, пожалуйста, свет, – попросила женщина.

– Не положено по инструкции.

– А, ты новичок, – догадалась собеседница.

– Только на ночь.

– А потом?

– Снова стану мастером.

– А я крановщица, – женщина подняла голову и посмотрела на Романа.

Охранник узнал высокую девушку, которую пытались протащить в бутик Angel glamur. Она по-прежнему была одета в синий линялый джинсовый комбинезон, узкими штанинами заправленный в высокие желтые кроссовки с незавязанными длинными шнурками. Только вместо рыжих сияли белесо-фиолетовые пряди.

– Вы почему-то прекрасны, – инстинктивно вырвалось у него.

– Спасибо, – легко сказала сидящая, – ночью все хороши.

– Вы и днем прекрасны, – восхищенно пролепетал мужчина, – я вас видел – знаю, что утверждаю!

– А здесь раньше стоял автомат для бесплатной раздачи презервативов, – сменила тему девушка. – Мы, когда с мужем только встречались, частенько сюда заскакивали.

– И как он сейчас поживает? – огорчился Роман.

– Он умер, – прошептала сидящая, и две слезинки выкатились из левого глаза, потянув за собой траурный шлейф к крупному пористому носу.

– Я вам сочувствую, – поспешил мастер, – извините за глупые вопросы.

– Да ничего, – женщина, порывшись в нагрудном кармане комбинезона достала смятую бумажную салфетку и бурно сморкнулась в нее, пробубнив: – я уже привыкла.

– А что вы делаете тут?

– Страдаю, – резко и быстро ответила крановщица.

Роман замолчал, пытаясь определиться с отношением к происходящему... чтобы что?

– Я передумала, – сказала девушка.

Встала, отряхнула джинсы, взяла мастера за руку:

– Пойдем.

– Куда?

Мужчина не сопротивлялся, в конце концов его же пытались предупредить, поэтому надо расслабиться и получать удовольствие, которому, как и революции, никогда не будет ни начала ни конца.

Они молча спустились на первый этаж, к застывшему эскалатору. Ладонь мужчины, которую девушка не отпускала, была мокрой и неприятной на ощупь, поэтому Роман с удовлетворением почувствовал отсутствие ее руки и холодный воздух, эффективно осушавший освободившуюся от посторонних организмов кожу.

Крановщица подошла к прямоугольной стойке с афишкой «Миллиард желаний за миллиард рублей. Джек-пот ждет вас!»

– Я давно хотела купить билет, – она зашла за стойку и подняла вверх указательный палец, – и кому-нибудь продать. Интересно, как ложатся фишки.

– У вас были дети? – поколебавшись, все-таки поинтересовался охранник.

– Да, дочь. Ее забрал мой отец, – девушка вскинула обе руки с победными латинскими викториями.

– Почему?

– Утверждает, что я сумасшедшая, – она грозно потрясла кулаком перед лицом мужчины. – И он не шутит, а искренне считает, что внучка не должна умирать, пока жив дед.

– А где же мы возьмем лотерейки? – удивился мастер. – Наверняка же продавцы их забирают с собой.

– Не-а, – счастливо улыбаясь, крановщица полезла под прилавок, – я тут три ночи назад обнаружила, что распространительница удачи забыла про завалившуюся между стенками пачку. И мы их сейчас, опля...

Она, взмахнув фиолетовыми кудрями, выпрямилась, радостно размахивая слегка запыленной бумажной упаковкой.

– Ну, вот, – девушка надорвала этикетку и игриво проворковала, – давай денежку и забирай, милок, билетик!

– А зачем деньги, – попробовал сопротивляться Роман, – если они уже наши?

– Ну, нет, – сморщила крупный носик крановщица, – ничего не получится, если играть не по правилам. Купишь столько, сколько захочешь, как и я, а остаток и деньги положим на видное место. Мы же не воры какие-нибудь.

Мастер купил один лотерейный билет. Девушка посмотрела на мужчину сердито, надув губы, хотела что-то сказать, сдержалась, промолчала. И тоже купила одну лотерейку. Посмотрела, перевернув бумажку.

– Завтра объявят результаты.

Роман все-таки докачал ситуацию до логического завершения и спросил:

– А как погиб твой муж?

Крановщица засунула лотерейный билет в задний накладной карман комбинезона.

– В ДТП. Инспектор посочувствовал потом, что если бы он пристегнулся ремнем безопасности, то остался жив и даже не попал бы в больницу.

Она засмеялась:

– Ну что, пошли гулять, – и, не обращая внимания на охранника, вприпрыжку почти побежала по коридору в сторону огромного продуктового магазина.

Мастер воровато оглянулся. Положил свой билет обратно в пачку, сунул ее под прилавок, забрал деньги и заторопился следом.

б.

Следующий день был воскресным.

Роман сдал обмундирование, снаряжение. Отчитался начальнику охраны, что дежурство прошло без происшествий. Николай Петрович скептически выслушал доклад, покряхтел, посопел, почесал за ухом, поковырялся в носу, внимательно разглядывая вынутое, пошлепал себе лысину этими же пальцами, но, раздумчиво заметив вслух, что мастер в случае чего все равно никуда не денется, отпустил его с глаз долой, как говорится, с Б-гом.

На вопрос старого охранника, не встречался ли ему ночью кто-либо, Роман отмахнулся и поторопился на волю.

У специального заднего неприметного выхода, которым он решил воспользоваться, чтобы перед самим собой подчеркнуть значимость и реальность так долго ожидаемого и вот состоявшегося ночного дежурства, его ждала крановщица.

– А ты как тут? – удивился мужчина.

– Я же постоянный посетитель, – засмеялась девушка, – ты разве забыл?

– Ну, – пожал плечами мастер, – ночью все кошки серые.

– С глаз долой, – рассердилась крановщица, – из сердца вон? Может, у меня на тебя планы?

– Какие? – искренне, душевно, тепло и неподдельно удивился Роман. – Какие у вас могут быть планы, если вы вдова.

– Пойдем, погуляем, – она взяла его за ладонь.

Он подумал, что сейчас снова вспотеет, но, на удивление, этого не случилось – рука осталась сухой. Возможно, причиной данному обстоятельству было солнце, появившееся из-за края горизонта и создавшее впечатление повывисившейся атмосферной температуры, в свою очередь быстро согревшей людские организмы.

– Куда идем? – удовлетворённо поинтересовался мужчина.

– Туда, – женщина махнула в сторону детского парка.

И они двинулись, причем крановщица пыталась быть моложе, как то: прыгала на воображаемых классиках, заставляя мастера конвульсивно дергаться вслед за собственной дланью, не отпускаемой рыже-фиолетовой девицей даже в момент невесомости; пробовала свистеть соловьем, распугивая с мусорных баков авторитетных ворон; начинала декламировать и тут же забывала какие-то сентиментальные стишки, почему-то оканчивавшиеся нецензурными словами и сомнительными выражениями; поминутно кокетливо оглядывалась на Романа, спотыкаясь каждый раз на ровной поверхности.

Романтическое путешествие пары завершилось неразделенным удивлением мастера, надеявшегося на обратное, но внезапно осознавшего, что сквер открыт и все необходимое задействовано, несмотря на ранний час. Более того, количество детей и родителей оставляло впечатление, что они и ночевали среди этого железобетонно-деревянного зоопарка, соорудив шалаши и землянки, окопавшись в песочке и готовые принять любой жребий. И пережив, вероятно все-таки с потерями, очередную ночь, они вернулись на родные, затопленные зеленым мхом, бывшие вымостки, памятные падениями и последующими соплями подрастающего поколения, чтобы вновь купить кислое мороженое и сладкую, но запятнанную мошками вату, в тысячный раз отказаться из-за дороговизны от наиболее страшного и соблазнительного аттракциона.

– Где-то тут бродят и мои, – сказала крановщица.

– Кто? – испугался мастер.

– Воспоминания, – засмеялась женщина.

Они вошли в железную кованую узорчатую калитку, пересекли границы видимого и невидимого мира.

– А может, – пожалала крановщица плечами, – и дед с дочкой где-то тут гуляют. Он как-то недавно грозился сводить ее сюда, чтобы приобщить к социуму, показать соблазны и отказать в капризах.

Роман остановился – внимательно огляделся, прислушиваясь при этом к внутренним ощущениям, стараясь проникнуть в потаенное движение восприятия. Дернулся от укуса и инстинктивно ударил себя по щеке. Посмотрел на результат и огорчился, обнаружив на пальцах кровь и остатки последнего предзимнего комара.

– Ты чего? – удивилась девушка.

– Хочу туда, – мастер показал пальцем с малюсеньким бурым пятнышком крови насекомого на большой металлический диск с укрепленными под ним многочисленными двойными сиденьями, прикрытыми разноцветными облезлыми зонтиками. Под ними сидели дети и взрослые, судорожно цеплявшиеся за алюминиевые ограждения от вываливания, от страха молчаливые и сосредоточенные на смысле подвешенного в воздухе существования.

Диск раскручивался и поднимался вверх однорычажным складным механизмом, с натугой и воем двигателей, разгибавшимся на высоту девятиэтажного дома. Беседки мчались не только по кругу и вверх, но еще и раскачивались горизонтально земляной плоскости наподобие пьяных британских матросов, возвращавшихся в XIX веке из какого-нибудь индийского кабака на судно.

– Нет, – жестко и грубо сказала, как отрезала, крановщица, – туда не пойдем.
– Почему? – растерялся мастер ключей от такой резкой смены настроения.
– Как профессионал по высотным агрегатам, – подбоченилась девушка, – я тебе ответственно заявляю, что это – опасно для здоровья. А как местный житель знаю, что конструкции как минимум лет 50 и она со дня на день грохнется.

– А куда же смотрят мамыши? – пожал плечами мужчина. – Они же не только сами, но и детей туда тащат.

– Судьбу испытывают, – сухо сказала женщина. – Бытие оскорбляют.

Роман замер, покачиваясь на носочках ботинок, чувствуя не отскрёбаную жвачку.

– А ты мной помыкаешь? – со злостью спросил он окружающее пространство. – Сюда пойдем, туда нельзя. То-се, пятое-десятое.

Он вдруг устал, ему захотелось пива, а потом спать часов двенадцать беспробудно, проснуться с тяжелой головой и осознанием честно выполненного долга.

Мастер ключей затворил глаза, медленно обернулся, осторожно водя руками, нащупал железное ограждение, неспешно добрался, перебирая завитушки к пустоте, знаменующей выход, – перетек пределы, вздохнул и раскрыл очи. Не оглядываясь, побрел к ближайшей остановке городского пассажирского транспорта.

Крановщица забыла о нем сразу, как только он отвернулся. Она сердито и напористо вглядывалась в колесо, бликовавшее стальными острыми гранями над золотисто-желтыми-коричнево-красными куполами деревьев, готовое осыпаться парашютиками рукотворного одуванчика. Подтянула помочи комбинезона и решительно двинулась к кассе.

7.

Прибыв в собственную квартиру, Роман расхотел спать, пить пиво и заслуженно отдыхать. Он взял ноутбук и заказал через сайт билет на вечерний поезд в Москву. И далее – на самолет до Янгона, решив, что визу будет собственноручно проталкивать в посольстве, типа, так получится быстрее, тем более, можно предъявить в качестве доказательства подлинности намерений пролетный документ.

В сборах часы пролетели быстро, он успел только сходить в душ, поесть и вызвал такси до железнодорожного вокзала.

Вышел к подъезду. На лавочке курил седой старик в джинсовой куртке, кожаных с заклепками штанах, в шикарной широкополой ковбойской шляпе. Рядом сидел бело-мохнатый бородатый колли, придерживаемый, вероятно, на всякий случай поводком, пристегнутым к бисерному ошейнику.

Мастер пожелал доброго дня, ковбой ответно дотронулся до серого края стетсона.

Подъехала «лада», световой короб с шашечками и надписью taxi приветливо мигал на крыше автомобиля. Роман хлопотливо погрузился в пыльный красно-коричневый салон, хлопнул дверью и, полуобернувшись, принялся нашаривать железный ключ ремня безопасности.

– Да вы не суетитесь, – оборотился молодой водитель с короткой остроконечной эспаньолкой и голубыми, почти прозрачными глазами. – Довезу мягко, без происшествий, туда – куда надо, опыт большой.

Легковушка скоро двинулась, мастер не пристегнулся и испытывал от этого некоторое смущение. В открытом бардачке напротив пассажира лежали черные венчики с блеклой вязью церковнославянских букв. Таксист перехватил взгляд пассажира, мягко улыбнулся, пояснил:

– Работаю водителем ритуальной машины, а на такси только калыму.

Он достал из наружного верхнего кармана куртки визитку, сунул в ладонь Романа и сказал:

– Нужно будет — звони.

Доехали они и правда – без происшествий, хотя мастеру казалось, что водитель пьян и чересчур резко обгоняет другие машины, круто входит в повороты и внезапно тормозит в неподходящих местах.

У вокзала Роман с облегчением вышел и расплатился, причем пришлось искать металлические десятки для ровного, без сдачи, счета.

Поезд уже стоял у платформы. Мужчина погрузился в вагон, нашел свое место, разделся, достал обязательные цветастые старые домашние тапочки – переобулся. Из рюкзака вынул ноут, надел наушники и ушел в интернет.

Через некоторое время состав дернулся и движение началось.

Мастер ключей щелкнул на сайт региональных новостей. Довольная, что ее демонстрируют друзьям и знакомым, молодая журналистка напористо рассказывала о сотруднике главного управления МЧС России, работавшем на месте происшествия в детском парке. На втором плане шла картинка разрушенной металлической ограды, поперек которой, в копьевидных зубьях, застрял огромный, толстый и блестящий стальной диск со сломанными беседками.

Мужественный боец, доблестно ликвидировав чрезвычайную ситуацию, отошел на боковую аллею отдохнуть и там, в опавших листьях, увидел свернутую бумажку. Поднял – оказалось, что это лотерейный билет с сегодняшней датой розыгрыша. Уже дома, в кругу семьи, он доверил супруге проверить указанные на нем номера. И да! Счастливый случай – на билет выпал выигрыш в три миллиона рублей! Везучий эмчээсовец сообщил средствам массовой информации, что потратит деньги на покупку новой квартиры для себя и многочисленных и любимых домочадцев.

Роман поморщился и переключился на википедию и далее в астрал, из которого узнал, что если в нашей стране повзрослевшие юноши отправляются в армию, то в Мьянме – в монахи. Там принято, чтобы каждый мужчина по достижении совершеннолетия побывал в этой роли. Причем срок службы Будде обычно длится недолго: от двух часов до недели.

У желающих принять постриг есть возрастной ценз: монахом можно стать только с 18 лет. До этого стремящийся «вращать колесо учения», именно так называется монашество, может быть лишь послушником.

Мастер улыбнулся – ему уже давно минуло за восемнадцать.